

Счастье — эпизод 3 из 4

На настоящих местах искал, да, знать, попадал всё на заговоренные клады. И отец мой искал, и брат искал ни шута не находили, так и умерли без счастья. Брату моему, Илье, царство ему небесное, один монах открыл, что в Таганроге, в крепости, в одном месте под тремя камнями клад есть и что клад этот заговоренный, а в те поры было это, помню, в тридцать восьмом году в Матвеевом Кургане армяшка жил, талисманы продавал. Купил Илья талисман, взял двух ребят с собой и пошел в Таганрог. Только, брат, подходит он к месту в крепости, а у самого места солдат с ружьем стоит...

В тихом воздухе, рассыпаясь по степи, пронесся звук. Что-то вдали грозно ахнуло, ударилось о камень и побежало по степи, издавая: тах! тах! тах! тах!.. Когда звук замер, старик вопросительно поглядел на равнодушного, неподвижно стоявшего Пантелея.

Это в шахтах бадья сорвалась, сказал молодой, подумав.

Уже светало. Млечный путь бледнел и мало-помалу таял, как снег, теряя свои очертания. Небо становилось хмурым и мутным, когда не разберешь, чисто оно или покрыто сплошь облаками, и только по ясной, глянцевиной полосе на востоке и по кое-где уцелевшим звездам поймешь, в чем дело.

Первый утренний ветерок без шороха, осторожно шевеля молочаем и бурными стеблями прошлогоднего бурьяна, пробежал вдоль дороги.

Объездчик очнулся от мыслей и встряхнул головой. Обеими руками он потряс седло, потрогал подпругу и, как бы не решаясь сесть на лошадь, опять остановился в раздумье.

Да, сказал он, близок локоть, да не укусишь... Есть счастье, да нет ума искать его.

И он повернулся лицом к пастухам. Строгое лицо его было грустно и насмешливо, как у разочарованного.

Да, так и умрешь, не повидавши счастья, какое оно такое есть... сказал он с расстановкой, поднимая левую ногу к стремяни. Кто помоложе, может, и дождетя, а нам уж и думать пора бросить.

Поглаживая свои длинные, покрытые росой усы, он грузно уселся на лошади и с таким видом, как будто забыл что-то или недосказал, прищурил глаза на даль. В синеватой дали, где последний видимый холм сливался с туманом, ничто не шевелилось: сторожевые и могильные курганы, которые там и сям высились над горизонтом и безграничную степью, глядели сурово и мертво; в их неподвижности и беззвучии чувствовались века и полное равнодушие к человеку; пройдет еще тысяча лет, умрут миллиарды людей, а они всё еще

будут стоять, как стояли, нимало не сожалея об умерших, не интересуясь живыми, и ни одна душа не будет знать, зачем они стоят и какую степную тайну прячут под собой.

Проснувшиеся грачи, молча и в одиночку, летали над землей. Ни в ленивом полете этих долговечных птиц, ни в утре, которое повторяется аккуратно каждые сутки, ни в безграничности степи ни в чем не видно было смысла.

Объездчик усмехнулся и сказал:

Экая ширь, господи помилуй! Пойди-ка, найди счастье! Тут, продолжал он, понизив голос и делая лицо серьезным, тут наверняка зарыты два клада.

Господа про них не знают, а старым мужикам, особливо солдатам, до точности про них известно. Тут, где-то на этом кряже (объездчик указал в сторону нагайкой), когда-то во время оно разбойники напали на караван с золотом; золото это везли из Петербурга Петру-императору, который тогда в Воронеже флот строил. Разбойники побили возчиков, а золото закопали, да потом и не нашли. Другой же клад наши донские казаки зарыли. В двенадцатом году они у француза всякого добра, серебра и золота награбили видимо-невидимо.

Когда ворочались к себе домой, то прослышали дорогой, что начальство хочет у них отобрать всё золото и серебро. Чем начальству так зря отдавать добро, они, молодцы, взяли и зарыли его, чтоб хоть детям досталось, а где зарыли неизвестно.

Я слышал про эти клады, угрюмо пробормотал старик.

Да, задумался опять Пантелей. Так...

Наступило молчание. Объездчик задумчиво поглядел на даль, усмехнулся и тронул повод все с тем же выражением, как будто забыл что-то или недосказал. Лошадь неохотно пошла шагом. Проехав шагов сто, Пантелей решительно встряхнул головой, очнулся от мыслей и, стегнув по лошади, поскакал рысью.

Пастухи остались одни.

Это Пантелей из Макаровской экономии, сказал старик. Полтора ста в год получает, на хозяйских харчах. Образованный человек...

Проснувшиеся овцы их было около трех тысяч неохотно, от нечего делать принялись за невысокую, наполовину утопанную траву.